

эти артикуляционные и акустические явления, в том числе и суперсегментные, является и функцией слога [2, с. 238]. Лишь функция ритмической организации речи не может быть приписана ничему другому, как только слогаобразованию, т. е. слогам как компонентам нерасчлененной слоговой цепи.

Вопрос о функциональном значении слога как сегмента, ограниченно-го слогоразделами (как и самого слогораздела), не может иметь универсального решения и должен рассматриваться в применении к конкретным языкам. Слог не может иметь специфически ему присущей функции, если слоговая сегментация совпадает с сегментацией речи на кратчайшие функционально значимые звуковые единицы.

В поздний период праславянского языка в связи с действием закона открытых слогов и уподоблением тембров смежных звуков внутри слога, когда сочетание согласного с гласным было унифицировано относительно высоты собственного тона, твердость-мягкость согласного и передний-непередний ряд гласного не могли быть изолированы друг от друга. В этих условиях сочетание согласного с гласным, соответствующее слогу, функционировало как кратчайшая звуковая единица, используемая для смысловоразличения, т. е. по существу выполняло функцию фонемы [см. 6, 7]. В литературе праславянский слог, выступающий в роли фонемы, получил название силлабемы; еще раньше этот термин в применении к китайскому языку был использован Е. Д. Поливановым [см. 8, с. 3]. Тезис о неразложимости слога в позднем праславянском языке не является общепринятым. Так, против идеи силлабемы возражает К. В. Горшкова, аргументируя это тем, что силлабема «изолирует фонологическую систему от морфологической и морфонологической». По мнению К. В. Горшковой, в позднепраславянском, как и позже в древнерусском, «кратчайшей сегментной единицей была фонема» [9, с. 15]. Не решая вопроса о том, были ли реально в праславянском неразложимые слоги, мы принимаем такую ситуацию как подходящую для анализа роли слога в языке, в котором сегментация на слоги совпадает с сегментацией на кратчайшие функционально значимые звуковые единицы. При этом чисто фонетическое выделение в сознании говорящих отдельных звуков в таких слогах возможно, и это не противоречит функциональной неразложимости слога. Ср. в этой связи замечание А. И. Иванова и Е. Д. Поливанова: «Если мы китайское слогопредставление приравниваем в известных отношениях к элементарным фонетическим представлениям, каковыми в европейских языках являются звукопредставления (или фонемы), то это отнюдь не означает полную неделимость китайского слога (с точки зрения китайского мышления) на ряд психофонетических величин низшего порядка — в частности, на представления согласных и неслоговых и слоговых гласных. Символическая функция последних не может идти в сравнение с самостоятельной ролью европейских звукопредставлений (фонем), способных ассоциироваться со смысловыми представлениями» [8, с. 3]. Важным наблюдением этих же авторов является то, что функциональная неразложимость слога сопровождается невозможностью чередования звуков в одном слоге — «для того, чтобы изменилось значение слова, нужна замена целого слога другим целым слогом» [8, с. 15].

В применении к праславянской ситуации с неразложимым слогом термин «силлабема» введен для того, чтобы подчеркнуть отличие фонематической ситуации праславянского языка позднего периода от той, которая сложилась в славянских языках после падения редуцированных, когда функцию фонем стали выполнять гласные и согласные отдельно. По своему содержанию термин «силлабема» синонимичен термину «фонема» — в обоих случаях речь идет о кратчайшей звуковой единице, служащей для смысловоразличения. Внешнее совпадение в праславянском позднего периода фонемы со слогом дало повод для утверждения, что в этом случае в качестве различителей значения выступал «слог в целом» [6,